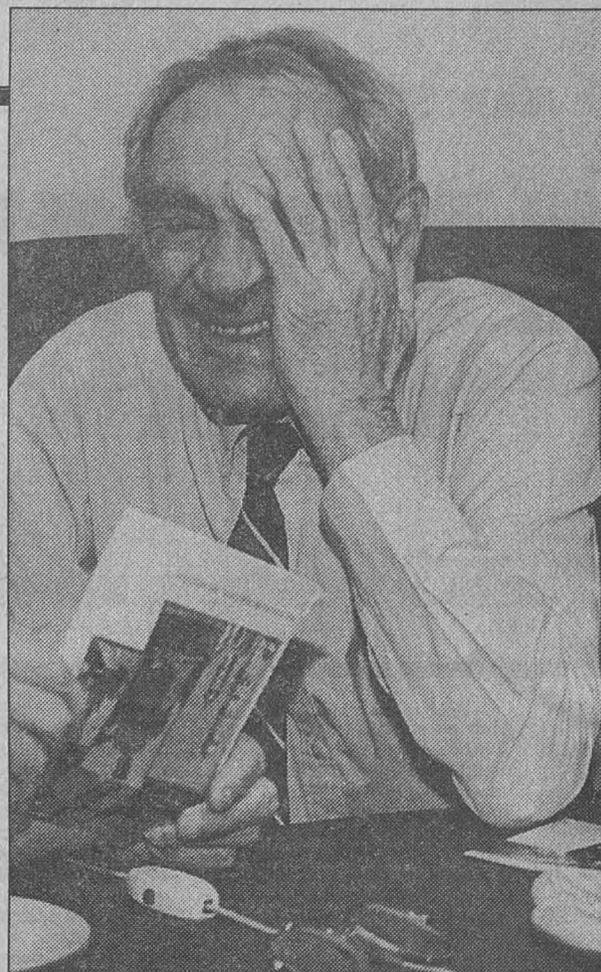

ПЕРСОНА

Все смешалось в доме Зиновия Гердта. На паркетном полу разложили кабели, на кухне грели сразу несколько чайников, толпа людей курила, бесцеремонно, не снимая ботинок, расхаживала по комнатам, рассматривала картины и жевала сладости. Раздался телефонный звонок, Зиновий Ефимович кинулся к аппарату, но человек с камерой, опередив его, выдернул провод. Телефон в это время звонить не должен. Началась съемка «Чай-клуба».

Ничего, ничего, — успокаивает сам себя Гердт, — конечно, съемки в квартире создают некоторые неудобства. Зато обиход есть. Я сижу на своем месте, я здесь всегда чай пью. Кстати, это необыкновенный стол — ему 120 лет, и он раздвигается на 12 метров.

Свою передачу Зиновий Гердт начал от безысходности. Ведь все, что он и его гости делают в программе, — это чистой воды литература: байки, рассказы, размышления. Однако Гердт признается, что у него хватает таланта только понимать, запоминать и присочинять к уже увиденному и услышанному. Сам писать не может. По чисто техническим причинам: компьютер подарили — не освоил, диктофон перед ним поставили — сковывает. Пришлось заменить литературную стезю телевизионной.

— Знаете, в кино есть понятие «уходящая натура». Это когда конец зимы, снега нет, везут последние сугробы из загорода. Так вот я — уходящая натура, и все вдруг хотят со мной разговаривать. Я очень давно живу и судьбою был поставлен на пути необыкновенных людей. Вы понимаете, я живу особенной жизнью. Кроме того, публика мне доверяет, все про меня знает — даже почему я хромой. Незамечен в подлости и во вранье — «приводов» не было. Так что я могу говорить — меня будут слушать.

Если бы телевидение изобрели в прошлом веке, Гердт со своей программой был бы первым кандидатом на место в сетке вещания. В передаче звучат неприличные для нашего времени и телевидения выражения: «блистательная проза», «замечательные строки», вместо привычного «зрители» Гердт употребляет «публика». У него в гостях, как правило, тихие, интеллигентные гости с воспоминаниями о лю-

дях, которые тоже жили особенной жизнью.

— Ай, да бросьте эти свои вечные упреки в эпитарности. Чепуха — я всеми силами стремлюсь к простоте. И больше люблю провинциалов, чем москвичей. Что касается моего языка, то у меня есть небольшой опыт. Долгие годы существовало такое Бюро пропаганды кино, которое посылало актеров по городам на встречи со зрителями. Я приехал в Одессу для выступлений в политехническом институте, одесском театре, словом, там, где собирается замечательная образованная публика. И вдруг мне говорят: «Зиновий Ефимович, завтра от часа до двух вы должны выступить на канатном заводе». Боже мой, в обеденный перерыв! Среди простых рабочих! С моей речью! С моими замыслами! Среди этих сплошных канатов! Но когда меня везли, я понял все, я знал, как надо общаться. Я говорил с ними, как будто стою на сцене Дома ученых. Они понимали суть, хотя пользовался я не первыми, а шестнадцатыми определениями. Они были благодарны, что им доверяют — их вкусу, культуре, образованности. Кстати, директор продлил перерыв на 15 минут.

Зиновий Ефимович сам признается, что еще не знает всех секретов телевидения. А вот редактор Мария Строганова, которая уже давно работает на ТВ 6, их знает

лучше. Поэтому она сейчас находится в паническом состоянии. Начиная цикл, она составила список будущих гостей сплошь из знаменитых фамилий, которые уж кому-кому, а Гердту во встрече не откажут. Гердт поломал все ее представления о популярной передаче. Ни одна кандидатура не прошла — Гердт заявил, что будет приглашать только тех, кто ему симпатичен. А поскольку у него практически нет друзей-актеров, а все подряд писатели и ученые, то популярные лица в передаче появляются редко.

— Машенька, да не волнуйся ты так, — успокаивает Зиновий Ефимович редактора. — Наше дело обречено на удачу. Надоели на телевидении одни и те же люди с их манерами. Зритель от них уже не ждет ничего неожиданного. Я уже давно смотрю только новости и Чака Норриса — и больше ничего! («Известия-ТВ» оставляют за собой право сомневаться в соответствии этого утверждения реальности). Ты переживаешь, что мой запас друзей быстро исчерпается? Глупая, знаешь анекдот? Один одессит спрашивает другого: «Ой, Абрам, как же мне разрешить мою проблему? — Нужен третейский суд. — А что такое третейский суд? — Это когда собираются три порядочных человека... — Так где же мы в Одессе найдем трех порядочных людей? — Да очень же просто.

Вот Хаим Врон, жестящик. — Это глухонемой-то? — А что, глухонемой не может быть порядочным человеком? — Ну хорошо, а еще? — Так, сейчас... Хаима я уже называл, жестящика тоже... А из Николаева можно?».

Только, Машенька, у нас с тобой выбор больше, чем в Одессе. И, кстати, если некоторые ведущие так любят и восхищаются своими собеседниками, как Умалатова Советским Союзом, то я со своими смею дерзить, дразнить и издеваться. На правах друга.

Гердт считает себя очень хитрым человеком. Говорит, что прекрасно умеет видеть себя со стороны, потому что он старый и мудрый. Больше никаких телевизионных приемов и секретов не признает — передача рождается прямо на глазах у зрителей. Некоторых своих гостей Зиновий Ефимович даже впервые видит прямо во время съемок. Так, например, друг Гердта сценарист Валерий Фрид привел с собой молодую знакомую:

— Зяма, посмотри, какой экземпляр. Да еще и философ по образованию. Давай, снимай нас вместе.

И вообще, Зиновий Гердт, работая на телевидении, умудрился остаться вне телевидения. Он его мало смотрит, практически не общается со своими коллегами-телевизионщиками и не следит за рейтингом своей передачи. Наблюдение за последним считает заторным и уверяет, что никогда не опустится до этого.

Съемка «Чай-клуба» закончилась, группа ассистентов быстро и незаметно убрала квартиру. Человек с камерой снова включил телефон. Зиновий Ефимович тут же кинулся к аппарату:

— Вы меня извините, обещал позвонить Боре Брунову. Алло, это театр? А это Гердт!

Фото Сергея ИВАНОВА.

Известия — 1995, — 19 мая, — с. 10.
**ХИТРЫЙ ГЕРДТ
СТРЕМИТСЯ К ПРОСТОТЕ**

Юлия МИХАЙЛЕВСКАЯ, «Известия»